

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии

«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным

Весна в Париже

Сильнее денег

Перстень Борджиа

Шутки в сторону

Дело о наезде

Запах денег

Карьера убийцы

Он свое получит

Весь мир в кармане

Ты за это заплатишь

Карточный домик

Итак, моя радость...

Без денег ты мертвец

Нет орхидей для мисс Блэндиш

Считай себя покойником

Получи по заслугам

Свобода – опасная вещь

Двойная подтасовка

За все надо платить

Жизнь коротка

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

ЖИЗНЬ КОРОТКА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

ЖИЗНЬ КОРОТКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смущенно улыбаясь, толстуха взяла у Гарри визитную карточку.

«Жаль, что она совсем не следит за собой», — подумал он.

Неухоженные волосы выбились из-под шляпки, которая совсем не шла этой женщине, тяжелый и усталый взгляд, лицо блестит, словно она только закончила готовить какое-то неаппетитное варево. Но казалось, ей было приятно, что ее сфотографировали, и женщина внимательно изучила визитку, прежде чем положить ее в сумочку.

— Я вас даже не заметила, — сказала она. — Наверняка я выйду настоящим пугалом.

— Вовсе нет, — ответил Гарри. — Снимки получаются намного лучше, когда люди не знают о том, что их фотографируют. Фотография будет готова завтра к полудню. Покупать не обязательно, но надеюсь, вы все-таки зайдете взглянуть.

— О да, зайду, — заверила женщина. — Ведь Линкстрит — это недалеко от театра Палас?

— Верно. Первый поворот налево, когда идете по Олд-Комптон-стрит.

Женщина поблагодарила Гарри и улыбнулась. Остатки былой привлекательности проявились словно на поднесенном к свету диапозитиве, и, уходя, она начала поправлять выбившиеся пряди.

Это была последняя на сегодня фотография. Слава богу, подумал Гарри, вынул пленку, положил ее в металлическую коробочку и сунул в карман. Он замерз и устал. Провести на ногах четыре часа кряду, может, и неплохо, когда светит солнце и люди фотографируются с удовольствием, но сегодня над Вест-Эндом нависли тяжелые тучи и дул холодный восточный ветер.

Люди двигались равномерным потоком из конца в конец Риджент-стрит, сегодня они были явно не в настроении сниматься: некоторые бросали на Гарри и его камеру сердитые взгляды и отказывались брать визитки или же попросту выкидывали их, бегло прочитав текст. Он сделал больше сотни снимков и решил, что будет неплохо, если хотя бы четверть из них найдет своих покупателей.

Убрав фотоаппарат в чехол, Гарри задумался, чем бы ему теперь заняться. Он мог пойти в свою комнату на Лэннок-стрит за Слоан-сквер, или вернуться в студию и выслушивать жалобы и стенания Муни о том, как скверно идут дела, или же направиться в паб и почитать вечернюю газету. Ему нравились пабы. Нравилось устраиваться в уголке с пинтой пива, наблюдать и слушать. Чего только не услышишь и не увидишь в пабах Вест-Энда! До него доносились обрывки загадочных разговоров, и он развлекался тем, что угадывал, кто эти люди, чем зарабатывают, женаты ли, где живут — в меблированных комнатах, как он, или в собственных домах. Он обнаружил, что если посидеть подольше и приглядеться повнимательнее, то можно довольно много выведать об окружающих, а ему нравилось узнавать людей. К тому же заняться все равно было нечем — во всяком случае, на те шесть фунтов в неделю, из которых сорок шиллингов уходили за комнату и завтрак.

Гарри постоял на краю тротуара, ожидая, пока для машин загорится красный. В нем не было ничего примечательного. Видавшая виды твидовая спортивная куртка, старые фланелевые брюки и темно-синяя рубашка. Ему исполнилось двадцать четыре, он был крепкого сложения, широкоплечий. Большие серые глаза смотрели приветливо, полные губы говорили о добродушии. Коротко остриженные, чуть вьющиеся светлые волосы, лицо от постоянного шатания по улицам приобрело стойкий загар. Гарри можно было принять за студента-медика, и люди, которых он фотографировал, часто смотрели на него с любопытством, словно удивляясь, почему такой парень не подыщет себе занятие получше, чем торчать на углу и снимать прохожих.

Когда машины остановились, он перешел Риджент-стрит и не спеша побрел по Гласхаус-стрит, где купил вечернюю газету. Гарри еще замедлил шаг, изучая первую полосу. Угрозы новой войны и забастовка докеров оставили его совершенно равнодушным. Он обратил внимание на колонку о грабеже на Шафтсбери-авеню и затем с головой погрузился в двухстраничную статью, где рассказывалось о последнем слушании по делу о громком убийстве. Не отрываясь от газеты, Гарри толкнул вращающуюся дверь паба под названием «Герцог Веллингтон» на Брюэр-стрит. Ему нравился «Герцог Веллингтон»: там всегда была приятная домашняя атмосфера и отличное пиво — наверное, лучшее в Лондоне.

Заказав пинту горького, Гарри придвинул табурет, сел и продолжил читать. «У этого парня никаких шансов, — подумал он. — Разве присяжные поверят в такую чушь? Да это не убедит даже ребенка!»

Он дочитал до конца, пролистал газету до колонки последних известий, чтобы узнать, не пишут ли об

этом еще чего-нибудь, и потом взял кружку. Пена хорошо осела; вытянув ноги, Гарри принялся смаковать пиво.

Бар был полон: голоса сливались в неумолчный гул, прерываемый лишь пронзительными звонками кассового аппарата, звяканьем кружек на барной стойке и шарканьем ног. Гарри сложил газету и прислонился спиной к стене, рискованно наклонив табурет. Он с надеждой обвел взглядом посетителей. Завсегдатаи были на месте.

Трое мужчин в пальто и черных фетровых шляпах сидели в углу, потягивая виски, и о чем-то шептались. Они приходили сюда каждый вечер примерно в это время — загадочная компания. Гарри ни разу не удалось расслышать хотя бы слово из их разговора, и он понятия не имел, кто они и чем занимаются.

За соседним столиком сидел невзрачного вида мужчина и его разбитная жена, они пили портвейн. Гарри было кое-что о них известно. Они прибирались в нескольких офисах на Риджент-стрит, и женщина всегда пыталась подбодрить мужа. Того мучила язва, и, казалось, приободриться ему было просто необходимо.

Еще бар часто посещала пожилая пара, муж с женой, добродушно пререкающиеся насчет собачьих бегов. Был здесь и грузный мужчина, который утомлял двух своих друзей политическими теориями; и молодой человек с девушкой — занятые исключительно друг другом, они сидели в углу и пили бренди. Девушка была плоскогрудой и некрасивой, она держала молодого человека за руку, словно боясь отпустить, и едва ли вымолвила хоть слово, пока молодой человек не переставая бубнил низким голосом и все время размахивал свободной рукой, будто пытаясь убедить свою спутницу сделать что-то против воли.

Гарри оглядел все эти лица без всякого энтузиазма. Ему хотелось найти кого-нибудь новенького, кто мог бы его заинтересовать. Он даже привстал на перекладине табурета и посмотрел поверх голов посетителей, толпившихся у стойки, на людей, сидевших за столиками у дальней стены. И тут он заметил ее — самую привлекательную девушку из всех, каких встречал.

Девушка показалась ему прекраснее любой кинозвезды. Густые иссиня-черные волосы волной опускались ей на плечи. Шляпки на ней не было. Блузка небесно-голубого цвета с высоким воротничком выглядела так безукоризненно, словно ее надели сию секунду. А черная плиссированная юбка была не слишком длинной и не слишком короткой, являя собой удачный компромисс между старым и «новым стилем»¹.

Он все еще стоял на перекладине табурета, пожирая красотку глазами и думая о том, что именно с такой девушкой хотел бы встречаться, будь у него много денег. Как полагал Гарри, чтобы пригласить куда-нибудь столь элегантную особу, нужно располагать целым состоянием. Не было ни малейшей надежды, что она согласится пойти в какой-нибудь старый ресторанчик, или поехать на автобусе, или отправиться в кино за три шиллинга и шесть пенсов. Конечно, она достойна самого лучшего. Нечего было и думать, что она заинтересуется уличным фотографом, который пытается заработать себе на кусок хлеба. И Гарри вздохнул.

«Но что она забыла в таком пабе, как „Герцог Веллингтон“? — с удивлением раздумывал он. — Не то чтобы это совсем дыра, а вполне милое местечко, но все же „Герцог“ не подходит для такой девушки».

¹ «New Look», или «Новый стиль» — название коллекции Кристиана Диора 1947 г. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Потом Гарри заметил, что красавица пьет виски, и это его просто шокировало. А ее спутник, которого заметил Гарри, вовсе не тянул на благородного Стюарта Грейнджера¹; напротив, это был толстый и немолодой коротышка, пьяный чуть ли не до бесчувствия.

Садясь на табурет, Гарри подумал, что тут может крыться загадка, достойная его пристального внимания. Кто этот мужчина? Кто эта девушка? Что их связывает? Что они здесь делают? И когда Гарри начал прикидывать, как бы ему перебраться поближе, чтобы расслышать хоть слово из их беседы и попробовать получить ответы на все эти вопросы, кто-то внезапно пошатнулся и опрокинул его пиво.

Удивившись, Гарри повернулся и оказался лицом к лицу с пожилым толстяком, о котором только что думал.

— Дорогой мой сэръ, — произнес толстяк, сжимая плечо Гарри, — приношу свои глубочайшие извинения. Я правда ужасно виноват.

— Все в порядке, — бодро заверил его Гарри. — Бывает. Там оставался-то всего глоток, ничего страшного.

— Очень любезно с вашей стороны так отреагировать, — ответил толстяк, тяжело дыша. — Но вы должны разрешить мне заказать вам выпить. Это меньшее, что я могу сделать. Чего желаете?

— Нет, спасибо, все в порядке, — поспешно возразил Гарри. — Я и это не собирался допивать. Правда, все нормально.

Толстяка это, казалось, задело. Он поднял свои налитые кровью глаза и уставился на Гарри.

— Знаешь, не нужно от меня так отмахиваться, — засопел он. — Нельзя ходить и опрокидывать чужие

¹ Популярный в 1940–1950-е гг. английский киноактер.

напитки. Мне было бы неприятно, если бы такое случилось со мной. Выпей виски. Ничто так не укрепляет дружбу, как виски. — И он затопал к стойке, чтобы окликнуть бармена. — Двойной виски с содовой для этого джентльмена! — потребовал он, когда бармен с удивлением посмотрел на него.

— Спасибо, — произнес Гарри, пытаясь высвободить плечо, которое снова сжимала горячая рука толстяка. — Не стоило беспокоиться. Это была простая случайность.

— Нет, не случайность, — сказал толстяк и, понизив голос, продолжил: — Только между нами. Думаешь, я маленько перебрал?

Гарри колебался. Ему не хотелось ни обижать, ни сердить толстяка. Ведь никогда не знаешь, что у пьяного на уме.

— Не мне судить, — сказал он осторожно. — Возможно, вам достаточно. Давайте так считать.

Толстяк явно был доволен. Слова Гарри, по-видимому, подтвердили его собственное мнение, и ему было приятно узнать, что он верно оценивает свое состояние.

— Ты прав, — сказал он, похлопав Гарри по плечу. — Мне нравится парень, который говорит правду, когда его спрашивают. Проблема в том, что ей недостаточно. — И он кивком указал на столик у стены. — Современные девчонки умеют пить, — продолжил он, понизив голос. — Знаешь, мне уже приходилось сталкиваться с такими штучками. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Тогда я смогу пропустить еще рюмочек-другой. Ты ведь не возражаешь?

— Я-то не возражаю. Но вот она может быть против. Вдруг ей не понравится, что я присоединюсь к вашей компании? — ответил Гарри.

— Чепуха, — сказал толстяк. — Она хорошая девочка. Ты ей понравишься. Бери виски и пойдем. А я с удовольствием обопрюсь о твою руку. Я не так твердо держусь на ногах, как хотелось бы.

Гарри взял стакан и подхватил толстяка под руку.

— Так нормально? — спросил он, приходя в волнение при мысли о незнакомке.

— Отлично, — ответил толстяк, подмигнув. — Меня зовут Уингейт. Сэм Уингейт. А тебя?

Гарри представился.

— Ну теперь мы знаем, что к чему, — рассудил Уингейт. — Уикс, да? Ладно, Уикс, идем.

— Рикс, — поправил Гарри. — Гарри Рикс.

— Так и есть — Уикс. Теперь идем. Шагаем твердо. Держимся прямо. Двинулись.

И они пустились в короткое, но рискованное путешествие от барной стойки к столику у стены, за которым сидела девушка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Спутницу Уингейта звали Клэр Долан. Девушка сидела не шевелясь, нога на ногу, положив один локоть на стол, и не отрывала глаз от барной стойки вдали. Казалось, она не замечала приближавшейся парочки.

— Это мистер Уикс, — сказал Уингейт, тяжело опускаясь рядом с ней. — По правде говоря, малышка, я привел его сюда, потому что он скучал в одиночестве. Если он тебе не нравится, мы всегда можем его отослать, но я подумал, что ты не станешь возражать. Он симпатичный молодой человек, а я был таким неуклюжим и опрокинул его бокал.

Клэр быстро взглянула на Уингейта и, ничего не сказав, вновь отвела глаза.

Гарри сконфуженно стоял перед ней. Поведение Клэр и ее скучающее выражение лица смutilи его.

Он хотел уйти, но опасался, что Уингейт устроит сцену.

— Боюсь, мое вторжение... — начал он, нервно теребя галстук.

— Чепуха! — громко произнес Уингейт. — Садись, старина. Я же говорил, что она будет рада знакомству, так оно и есть, правда, дорогая?

Клэр пристально посмотрела на Гарри.

— Конечно, я польщена, — съязвила она. — Но полагаю, что у мистера Уикса найдутся дела поважнее, чем беспокоиться о нас.

Гарри густо покраснел.

— Меня зовут Рикс, — сказал он, подумав, что, по крайней мере, должен представиться. — Гарри Рикс. Я пойду, если вы не возражаете. Спасибо за виски, — обратился он к Уингейту. — Приятного вечера.

— Черта с два! — воскликнул Уингейт, делаясь пунцовым и пытаясь подняться. — Ты даже не пригубил виски. В чем дело? Не по вкусу? Черт возьми! Или ты сядешь, или я выйду из себя, сам увидишь!

Взгляды всех посетителей устремились на них.

— Да сядь же ты и заставь его заткнуться! — сердито прошептала Клэр. — Мне не нужна сцена!

Гарри смущенно сел, чувствуя, как его бросило в жар, и Уингейт тут же расплылся в улыбке, похлопав его по плечу.

— Так держать, старина, — сказал он, садясь. — Поболтай с малышкой. Что-то голова разболелась. Извините меня. Развлеки ее, пока я вздремну. — Он вытер лицо носовым платком. — Сказать по правде, я слегка перебрал. Присмотри за ней, а я закрою глаза.

И он действительно закрыл глаза, покачиваясь на стуле так, словно в любую минуту мог отключиться.

Презрительно взглянув на толстяка, Клэр повернулась к нему спиной и оказалась лицом к лицу с Гарри.

— Прости, что так вышло, — тихо сказал Гарри. — Я не думал навязываться. Извини, что встрял. Я вовсе не собирался этого делать.

Она нетерпеливо пожала плечами:

— Все в порядке. Если этот старый дурак не придет в себя сию же секунду, я уйду. — И она впилась глазами в барную стойку, словно это был единственный достойный ее внимания предмет.

Несмотря на скучающий, угрюмый вид девушки, Гарри все же считал ее восхитительной, и даже столь холодный прием не испортил ему удовольствия сидеть с ней за одним столиком.

— Могу я тебя чем-нибудь угостить? — спросил он, увидев, что ее стакан пуст.

— Нет, спасибо, — ответила Клэр, не глядя на него. — Нет необходимости поддерживать разговор, так что, пожалуйста, не старайся.

— Я и не собирался, — сказал Гарри, слегка рассердившись.

Несколько минут они сидели молча, пока Уингейт тихо похрапывал, покачиваясь на стуле.

Гарри изучал лицо девушки, пытаясь придумать, как пробиться сквозь это скучающее безразличие. Нелепо было сидеть с такой красавицей и ни о чем с ней не разговаривать. Его пристальный взгляд раздражал Клэр, и она резко обернулась, нахмурившись.

— Разве можно так пялиться? — вскинулась она. — Ты совсем не умеешь себя вести?

Гарри улыбнулся.

— Наверное, — сказал он. — Но знаешь, тобой стоит любоваться, а делать здесь все равно больше нечего.

— Ой, замолчи! — сердито ответила она и отвернулась.

Внезапно его осенило, и он тихо, словно размышляя вслух, произнес:

— «Она идет во всей красе — светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены»¹.

Клэр не пошевелилась, не повернулась, но вскоре он услышал сдерживаемый смех.

Ободренный этим, Гарри сказал:

— Не думаю, что мы когда-нибудь встретимся снова, поэтому ты, возможно, не будешь возражать, если я скажу, что ты самая красивая девушка из всех, кого я видел.

Клэр повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Ты, должно быть, дурак, хуже того — дурак сентиментальный.

Но он заметил, что холодное, скучающее выражение в ее глазах уступило место легкой заинтересованности.

— Разве это так глупо — назвать тебя красивой? — спросил Гарри. — Ну и пусть, если это правда.

Она взглядела в него внимательнее. Он относился к тем мужчинам, которые уже исчезли из ее жизни: бедный юноша с приятной, милой улыбкой и без привычного горячего вождения в глазах, не скрываемого с первых же минут знакомства. В отличие от окружавших Клэр паразитов мужского пола, одетых в пиджаки с подбитыми плечами и в крикливых галстуках, этот парень был одет довольно скромно. Она отметила, какие ясные у него глаза, какая чистая кожа и белые зубы, и почувствовала, что неприязнь уступила место симпатии.

— Как, ты говорил, тебя зовут? — спросила она.

— Гарри Рикс. А тебя?

¹ Первые строчки стихотворения Дж. Г. Байрона «Она идет во всей красе». Перевод С. Я. Маршака.

Она нахмурилась, не зная, стоит ли называть свое имя, затем холодно произнесла:

— Думаю, это не твое дело, но раз уж тебе непременно надо знать, меня зовут Клэр Долан.

— Я так и думал, что у тебя должно быть какое-нибудь такое имя, — сказал Гарри, не упуская шанса снискать ее расположение. — Я одно время изучал значения имен. Ты слышала, что Клэр — это «яркая» и «знаменитая»?

Она сердито посмотрела на него:

— Кого ты пытаешься одурачить?

— Я не дурачу тебя, у меня дома есть книга. Я могу дать тебе, если хочешь.

— Не хочу, — оборвала она его.

Они помолчали, и затем он спросил:

— Ты здесь часто бываешь?

Клэр ответила отрицательно. Она действительно заходила сюда всего однажды — во время «Большого блица»¹. Заговорили о бомбардировках, и Гарри сказал, что, до того как пойти в армию, он участвовал в противовоздушной обороне и дежурил в убежище, которое располагалось всего в трехстах ярдах отсюда. Это была одна из причин, почему он сделался завсегдаем «Герцога Веллингтона». Каждый вечер во время «Блица» он с товарищем заходил сюда выпить пива перед началом ночного дежурства.

— Вошло в привычку, — сказал Гарри, с удовольствием отметив, что девушка проявляет интерес к его словам. — Здесь приятно, к тому же кое-какие воспоминания. — Он восхищенно посмотрел на нее. — А что ты делала во время войны?

— Да ничего, — ответила Клэр, пожав плечами и вспомнив о том, как она шаталась по Вест-Энду

¹ Германская бомбардировка Великобритании в 1940–1941 гг.